

Секулярность в социально-культурном контексте: пример Дании*

Е. А. Степанова

Уральский федеральный университет,
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Для цитирования: Степанова Е. А. Секулярность в социально-культурном контексте: пример Дании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 209–221. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.117>

В статье анализируется смысл понятия «секулярность» в социально-культурном контексте Дании, являющейся одной из самых секулярных наций в мире, притом что Евангелическая лютеранская церковь там имеет статус государственной. Особое положение *Folkekirke* закреплено в конституции страны 1953 г., оговаривающей государственные гарантии по созданию благоприятных условий для ее деятельности, а также частичное финансирование. В то же время конституция провозглашает свободу вероисповедания. Это обстоятельство в качестве предмета исследования порождает многие теоретические проблемы, связанные, в первую очередь, с уточнением смысла используемых в нем основных понятий и специфики их применимости к социально-культурной ситуации каждой конкретной страны. С точки зрения типологии секулярности, Дания обычно рассматривается как промежуточная модель между британской системой «установленной» (*established*) церкви и французским принципом *laïcité*. В статье термин «секулярность» рассматривается в свете современных академических дискуссий о теории секуляризации, о множественных модерностях и множественных секулярностях; последняя подразумевает одновременное существование различных типов секулярности, формирующихся в рамках культурно-исторических традиций той или иной страны и постоянно изменяющихся под влиянием возникающих социальных реальностей. Представлен критический обзор некоторых наиболее популярных теоретических версий, существующих в западных исследованиях религии, где делается попытка объяснения причин и характера секулярности в Дании, а также в других странах Северной Европы. Автор делает вывод о том, что рассмотренные варианты в целом не противоречат друг другу, но дополняют друг друга и демонстрируют тот факт, что адекватная интерпретация всякого сложного явления не должна быть односторонней и замкнутой в пределах какой-то одной предметной области.

Ключевые слова: секулярность, религиозность, Церковь датского народа, множественные секулярности, скрытая сакральность, культурная религиозность.

Дания вместе с другими странами Северной Европы представляет собой особый тип современного общества — «государство всеобщего благоденствия» (*welfare state*), которое характеризуется высоким уровнем благосостояния людей,

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 17-18-01194 «Религиозное большинство и меньшинство в публичном пространстве России и Северной Европы: историко-культурный анализ».

развитой системой социального обеспечения и удовлетворенностью качеством жизни¹. Кроме всего прочего, за этой страной закрепилось определение ее в качестве одной из наиболее секулярных наций в мире в смысле низкого уровня участия в религиозных практиках и веры в традиционные религиозные учения. При этом главная особенность Дании по сравнению с большинством других западных стран заключается в том, что согласно конституции Евангелическая лютеранская церковь, по традиции именуемая «Церковью датского народа» (*Folkekirke*), «является официальной церковью Дании и как таковая пользуется поддержкой государства» (§ 4). Тем не менее парадокс заключается в том, что именно в стране, которая рассматривает религию в качестве государственного дела, а принадлежность к традиционной церкви почти автоматически подразумевается гражданством (при принятии крещения), уровень религиозности оказывается весьма низким². Это обстоятельство в качестве предмета исследования порождает многие теоретические проблемы, связанные в первую очередь с уточнением смысла используемых в нем основных понятий и специфики их применимости к социально-культурной ситуации каждой конкретной страны.

Предметом анализа в статье является, во-первых, смысл термина «секулярность», в том числе применительно к Дании в контексте современных академических дискуссий о теории секуляризации, о множественных модерностях и множественных секулярностях. Во-вторых, в статье представлен критический обзор некоторых наиболее популярных теоретических версий, существующих в западных исследованиях религии, которые объясняют причины и характер секулярности в Дании, а также в других странах Северной Европы.

«Множественные секулярности» как теоретическая парадигма

Теория секуляризации, в соответствии с которой модернизация, связанная со всемирно-историческим движением в сторону национального государства, парламентской демократии, рыночной экономики и рационального знания, неизбежно вытесняет религию в частное пространство и ведет к упадку религиозной веры и практики (см.: [3; 4]), в последние десятилетия подверглась серьезной критике и на сегодняшний день почти утратила свою убедительность. Эта критика основана на множестве аргументов, прежде всего на существенной роли, которую религия продолжает играть в современном мире, на изменении социально-политической ситуации в западных странах, связанном с миграцией, распространением нетрадиционных религий, возникновением постнационального гражданства (см.: [5]) и т. д. Важным аргументом в критике теории секуляризации, которая развивалась парал-

---

¹ В книге «Истоки политического порядка» американский политический философ Фрэнсис Фукуяма писал, что все страны в мире должны стремиться к тому, чтобы быть похожими на Данию, т. е. строить процветающее, стабильное, хорошо организованное общество равных возможностей (см.: [1]). Согласно статистике ООН, в 2015 г. Дания занимала 5 место из 188 стран в индексе человеческого развития (Human Development Index — HDI), который включает в себя уровень здоровья, образования и экономического благосостояния (<http://hdr.undp.org/en/composite/trends>).

² Членами лютеранской церкви в 2014 г. являлись 78 % датчан [2, р. 43]. При этом, согласно *European Values Survey* (2008–2010), никогда не посещают церковь (за исключением крещения, бракосочетания и похорон) 44 % датчан, еще 31 % посещает церковь во время праздников, и 15 % — раз в год [2, р. 56].

тельно с критикой теории модернизации, была констатация ее европоцентризма (и шире — западоцентризма), т. е. убеждения в том, что влияние модернизации (и секуляризации) на все существующие в мире типы обществ должно быть аналогично религиозным процессам, происходящим в Европе и в определенной степени в США (см.: [6]). При этом в самой западоцентричной модели обнаружилось серьезное противоречие, связанное с существенным различием между состоянием религиозности в западноевропейских странах и в США, что породило дискуссию о том, кто из них является нормой, а кто — девиацией (см.: [7]). Эта дискуссия стала важным этапом в стремлении отказаться от всеобъемлющей теории секуляризации, создать типологию секулярности и описать ее различные варианты, что нашло свое отражение в значительном числе исследований (см., напр.: [8–11]).

Еще одним следствием критики теории секуляризации стало повышенное внимание к социально-культурным различиям между странами в исследовании соотношения религиозности и секулярности и возникновение идеи «множественных секулярностей», во многом следовавшей логике теории «множественных модерностей», которая стремилась избавиться от излишнего детерминизма классической теории и обосновать большое разнообразие путей модерности, специфика которых определяется прежде всего цивилизационными и культурными особенностями той или иной страны (см.: [12–13]). Что касается идеи «множественных секулярностей», то она, как отмечают немецкие исследовательницы Мариан Берчарт и Моника Волраб-Сар, прежде всего связана со стремлением преодолеть абстрактное понимание секулярности. Так, если религия обычно рассматривается в качестве маркера культурной особенности и идентичности регионов, стран и социальных групп, то секулярность все еще считается чем-то гомогенным, как будто бы находящимся вне культуры. Теоретическая парадигма «множественных секулярностей» «особо заинтересована в исследовании символических значений, которые секулярность получает внутри исторически специфических отношений между политической властью и духовными авторитетами, а также путей, на которых динамика религиозности и секулярности интерпретируется в свете, отбрасываемом на нее чувствительными к культуре представлениями о модерности» [14, р. 607].

Таким образом, идея «множественных секулярностей» подразумевает существование различных типов секулярности, которые формируются в тех или иных странах в рамках культурно-исторических традиций и постоянно изменяются под влиянием возникающих социетальных реальностей. Кроме того, эта парадигма включает в себя различные теоретические и практические концепции секулярности, которые основаны на разных идеологических и политических принципах и могут соревноваться между собой, выражая интересы разных социальных групп (см.: [15]).

Религия и секулярность в Дании: исключение из исключения?

Лютеранская церковь в Дании является государственной с середины XVI в., а ее влияние на социальное устройство, культуру и общество страны трудно переоценить. Особое положение *Folkekirke* закреплено в конституции страны 1953 г., оговаривающей государственные гарантии по созданию благоприятных условий для ее деятельности и частичное финансирование. В то же время конституция про-

возглашает свободу вероисповедания и гарантирует, что «граждане имеют право учреждать религиозные объединения для отправления культа в соответствии со своими убеждениями, при условии, что их вероучение и поступки не будут нарушать нормы морали и общественного порядка» (§ 67). И хотя в последние два десятилетия не утихают политические и идеологические споры по поводу статуса государственной церкви и вытекающего из него недостатка автономии, которой в значительно большей степени обладают другие религиозные сообщества, в обозримом будущем он вряд ли изменится (см.: [16; 17, p. 583]). С точки зрения типологии секулярности Дания обычно рассматривается как промежуточная модель между британской системой «установленной» (*established*) церкви и французским принципом *laïcité* [2, p. 4]³. Исследователи, анализирующие религиозную ситуацию и отношения религии и государства в Дании, подчеркивают, что в определенной степени они могут быть охарактеризованы как дискриминация — не в смысле ограничений религиозной свободы и свободы личности в целом, которая является одной из главных социальных ценностей, но в смысле существенных различий в легальном статусе разных религий [18, p. 175]⁴.

Объем этой статьи не позволяет далее углубляться в детали истории и современного состояния религиозности и секулярности в Дании, но для целей моего исследования важно привести несколько примеров, иллюстрирующих специфику этого состояния. *Первый пример* связан с функциями, которые исполняет *Folkekirke* от лица государства: это право государственной регистрации рождений и браков, а также проведения похорон на кладбищах, преимущественно принадлежащих церкви. Что касается регистрации, то церковь имеет право регистрировать всех новорожденных детей независимо от их вероисповедания. В целом в Дании принята система «двух окон» (*double track system*), которая уравнивает гражданскую и церковную регистрацию рождений и браков [18, p. 176, 180]⁵. Эта исторически сложившаяся практика, помимо всего прочего, имеет теологическое обоснование, вытекающее из восходящего к Мартину Лютеру принципа «двух царств». Согласно ему, интеграция церкви и государственных структур обоснована тем, что Бог присутствует везде, в том числе и в секулярных институтах. Более подробно этот принцип будет рассмотрен ниже.

Второй пример касается отношения к религиозному плюрализму и толерантности, которые принято считать одними из основных черт современной секулярной культуры. С формальной точки зрения в Дании принято толерантно относиться

---

³ Как отмечают Мариан Берчарт и Моника Волраб-Сар, применительно к европейскому секуляризму исследователи проводят различие между формальным установлением государственной церкви в комбинации с плюрализмом (Великобритания), кооперативной моделью (Германия) и строгим отделением государства от религии (Франция). Некоторые исследователи различают агрессивный (как во Франции) и пассивный (как в США) секуляризм [15, p. 878–879].

⁴ Относительно новая для Дании религия — ислам — непосредственно связан с миграцией. Хотя там она ниже, чем в других странах Северной Европы, количество мигрантов выросло с 4 % населения в 1988 г. до 12 % в 2015 г. [2, p. 34]. Другие религии — буддизм, индуизм, иудаизм, римско-католическая церковь, свободные протестантские церкви, свидетели Иеговы, бахаи и др. — насчитывают от 5 до 35 тыс. членов [18, p. 175]. Количество людей, не аффилированных с какой-либо религией, в 2014 г. составляло 12 % [2, p. 44].

⁵ Недавно Верховный суд Дании отверг обвинение в дискриминации, связанной с регистрацией новорожденных, с которым ранее обращались в суды члены баптистской и католической церквей (см.: [19]).

ся ко всем религиям. Конституция, как уже отмечалось выше, гарантирует гражданам все общепринятые в секулярном обществе гражданские и политические права, которые никак не зависят от их отношения к религии. На практике же ситуация является значительно более сложной. Это связано, во-первых, с уже упомянутой дискриминацией, касающейся как самой *Folkekirke*, которая в силу своего статуса находится в большой зависимости от государства, так и других религий, совместимость которых с датской национальной идентичностью, играющей важнейшую роль в культуре и социальном устройстве страны (*Danish-ness, or Danish peoplehood*; см.: [20; 21]), оценивается неоднозначно. В общих чертах специфика Дании заключается в противоречии между моделью государственной церкви, которая подразумевает свободу вероисповедания при отсутствии равенства религий, и секулярной природой государства, которая требует ограничения религии исключительно рамками частного пространства и личных отношений с божественным началом. Другим проявлением этого противоречия является само понимание церкви как «народной», поскольку, по замечанию норвежского теолога Дага Торкилдсена, оно «одновременно используется и в “демократическом”, и в “этнокультурном смысле”. ...С одной стороны, концепция “народной церкви” описывает инклюзивную церковь, которая включает всех людей или, по крайней мере, большинство и управляется народом. С другой стороны, она используется в смысле “национальной церкви”, т. е. принадлежности к определенной церкви, которая выражает национальную историю и дух и является частью характеристики национальности» [22, p. 95–96]⁶.

В то же время, как пишет датский исследователь Оле Рийс, «для постороннего взгляда может показаться, что одновременное отстаивание секуляризма и поддержка национальной церкви противоречат друг другу» [25, p. 31]. Другие исследователи полагают, что это противоречие снимается, если исходить из культурно-исторического контекста страны, поскольку и секулярность, и статус государственной церкви непосредственно вытекают из исторически сложившегося понимания места и роли лютеранской церкви в структуре датского общества, которую некоторые исследователи называют «лютеранским секуляризмом» (см.: [26])⁷. Ниже я еще вернусь к этому понятию.

Третий пример — это дискуссия об однополых браках, в которой ярко проявились особенности взаимозависимости религиозности и секулярности. Дания стала первой страной в мире, в которой регистрация однополых союзов была законодательно закреплена в 1989 г., что приравнивало их к браку во всех аспектах кроме права усыновления (удочерения) и венчания в церкви (см.: [28]). Право усыновления (удочерения) было подтверждено парламентом в 2012 г., что окончательно узаконило однополые браки. Евангелическая лютеранская церковь Дании разрешила венчание однополых пар в церкви в тот же день, когда брак был утвержден парла-

⁶ Особая влияние концепции «национальной церкви» в Дании, оказывающая влияние по сей день, связана с именем религиозного и общественного деятеля Николая Грундтвига (см.: [23; 24]).

⁷ Еще одним проявлением неоднозначного восприятия религиозного плюрализма в Дании является отношение к исламу. Это отдельная тема, требующая специального анализа. Здесь следует отметить, что проблема миграции и связанное с ней проникновение ислама на ранее гомогенную в религиозном смысле территорию Дании является предметом острых политических и идейных дебатов, особенно обострившихся после «карикатурного скандала» 2005–2006 гг. (см.: [25]). В этих дебатах ислам часто описывается как угроза датской идентичности (см.: [27]).

ментом, при этом священникам было дано право отказываться от проведения венчания в том случае, если это противоречит их религиозным убеждениям [2, p. 173].

Проблема однополых браков имеет много аспектов. В плане государственно-религиозных отношений и соотношения религиозности и секулярности вопрос заключается в том, имеет ли право законодательная власть (парламент) принуждать служителей *Folkekirke* к тому, чтобы совершать ритуал бракосочетания для однополых пар, тем самым нарушая принцип свободы совести. В то же время существует необходимость соблюдения равенства прав граждан независимо от их сексуальной ориентации в ситуации *double track system* в официальной регистрации брака. Кроме того, это вопрос о ценностях, а именно «о культурной и социальной ценности брака и о том, должен ли этот институт зависеть от религиозного одобрения» [2, p. 175]. Кажется, что здесь непосредственным образом столкнулись религиозный и секулярный взгляды на сущность института брака в современном обществе, и приоритет был отдан секулярному принципу равенства прав граждан⁸. Однако такой вывод является упрощением, поскольку, во-первых, этот «секулярный» принцип имеет отчетливое религиозное происхождение, которое, в свою очередь, тесно связано с национальной идентичностью. Во-вторых, положение *Folkekirke* в качестве государственной церкви подразумевает, что она является субъектом гражданского законодательства, в том числе в сфере обеспечения равенства прав граждан.

Специфика секулярности в Дании: варианты интерпретации

Прежде всего, здесь следует рассмотреть подход, основанный на *специфике лютеранской религиозности в Дании*. Американский социолог Хосе Казанова выделяет три траектории развития секуляризма: американскую, латинскую и скандинавскую, каждая из которых связана с различным влиянием, которое римский католицизм и протестантизм оказали на характер секулярности в странах их доминирования. Американская траектория основана на религиозной нейтральности государства в отношении ко множеству деноминаций, которые существовали в США с самого начала, а также к неверующим; католическая траектория характеризуется антагонизмом между доминирующей церковью и государством, что ведет к их разделению и в пределе — к торжеству принципа *laïcité*, как во Франции. Что касается Скандинавии, то ее траектория отличается большей интеграцией между церковью и государством, а также сравнительно скромным присутствием религии в публичном дискурсе.

В целом протестантская модель секуляризации в противоположность католической, по мнению Казановы, заключается в стирании границ между секулярным и религиозным и их сосуществовании. Эта модель направлена на одухотворение временного и привнесение религиозного стремления к совершенству в секулярный мир. Тем самым она превосходит дуализм секулярного и религиозного путем «превращения религиозного в секулярное и секулярного в религиозное через взаимное проникновение» [29, p. 24], в отличие от принципа *laïcité*, который сохраняет

---

⁸ Интересно отметить аргументы, которые высказывались в парламентских дебатах по поводу однополых браков: с одной стороны, доказывалось, что обеспечение права церкви на согласие с церемонией бракосочетания или отказ от нее подтверждает свободу религии. С другой стороны, предлагалось подождать, пока церковь сама попросит о праве проводить бракосочетания однополых пар, а не оказывать давление на нее со стороны государства [2, p. 174].

эту границу посредством приватизации и маргинализации религии и сохранения нейтрального публичного пространства. Дания, по мысли Казановы, «представляет собой парадигмальный пример европейского общества с одним из самых низких уровней религиозной веры и практики, сопровождающийся одним из самых высоких уровней конфессиональной принадлежности к национальной церкви — Церкви Дании. В этом отношении быть датчанином, быть лютеранином и быть секулярным — одно и то же» [29, р. 27]. В этом процессе церковь радикально трансформируется, становясь частью *saeculum*, находящегося под управлением законов государства, а Божья благая весть превращается во внутреннюю религию и перемещается в индивидуальное сознание [29, р. 29].

Свойственная Дании двойственность, проявляющаяся в сочетании высшей степени секулярного населения в смысле веры и практики и сильного влияния лютеранской теологической традиции, встроенной в социально-политическую и законодательную структуру страны, позволяет некоторым исследователям говорить о «скрытой сакральности» (*hidden sacrality*) датской секулярности. Она подразумевает, что священное может имплицитно присутствовать в секулярных институтах и законодательстве, а сама секулярность является результатом Божьего плана, поскольку, с догматической точки зрения, идея «спасения только верой» предполагает, что любое законодательство, находящееся под влиянием сакрального, является неверным, так как иметь связь с милосердным Богом можно только через веру, а не через законодательство (см.: [30]). Американский правовед Джон Витте, исследуя исторические корни взаимопроникновения духовного и секулярного, приводит в качестве его обоснования учение Мартина Лютера о «двух царствах», в котором земное отделено от небесного, церковь — от государства, Евангелие — от Закона, государство — от духовного авторитета и т. д., и отмечает, что у Лютера Бог отделен от повседневной жизни, но в то же время он присутствует в земном царстве, а религия продолжает призывать каждого человека быть Божьим пророком и священником [31, р. 57].

Вариантом идеи «скрытой сакральности» является «лютеранский секуляризм», или «секуляризованное лютеранство». Как пишет датский политический философ Ханс Дабелстин, лютеранский секуляризм «прагматически смешивает либеральные принципы государства с особым статусом церкви и даже предписывает евангелической лютеранской теологии конституирующую роль в качестве носителя либеральных принципов» (цит. по: [32, р. 54–55]). Другими словами, церковь не только не исключена из либеральных принципов, но принимает их, тем самым делая религиозность совместимой с секулярностью, а государство, в свою очередь, выполняет сакральную функцию защиты этических ценностей и обеспечивает высокий уровень жизни своим гражданам. В дополнение к этому Даг Торкилдсен указывает на то, что лютеранство является лишь одним из важных факторов, которые способствовали развитию современного государства в Дании. Другие факторы — полная занятость и социальная безопасность — соответствуют двум главным идеям лютеранства: «ежедневному труду как осуществлению Божьего замысла и священству всех верующих» [21, р. 98], при этом труд является фактором секуляризации, а всеобщее священство создает культуру равенства, считающую неприемлемыми слишком большие социальные различия между людьми.

В приведенных выше видах интерпретации специфики секулярности в Дании главным ее фактором выступает специфический характер лютеранской религиоз-

ности. Типология, предлагаемая американским социологом Филипом Цукерманом, основана на *социологических способах объяснения*, которые могут исходить из разных оснований. Во-первых, он приводит аргументы теории рационального выбора, согласно которым государственная монополия на религию, которая имеет место в Дании, в отличие от ситуации религиозного плюрализма ослабляет религиозный выбор, следовательно, интерес к религии оказывается низким. Во-вторых, Цукерман упоминает теорию Рональда Инглхарта (см.: [33]), в соответствии с которой люди в обществе с высоким уровнем экзистенциальной безопасности (что, безусловно, характерно для Дании) являются менее религиозными, чем люди, живущие в менее безопасном месте и, следовательно, нуждающиеся в религии как в источнике эмоциональной и материальной поддержки. Третья версия заключается в наличии большого количества женщин, имеющих один из самых высоких уровней занятости на мировом рынке труда и в силу этого в меньшей степени озабоченных исполнением традиционной роли хранительниц религиозных традиций и задачами передачи их детям. Эти три версии, по мысли Цукермана, являются наиболее правдоподобными социологическими ответами на вопрос о причинах торжества секулярности в Дании: «Взятые вместе — ленивая монополия церкви, безопасное общество и работающие женщины — объясняют большую часть пазла секулярности» [34, р. 62]. Цукерман приводит еще несколько вариантов, связанных с отсутствием необходимости защиты национальной идентичности, которая в Дании и так достаточно сильна, с высоким уровнем образования, ролью социально-демократической партии, а также с некоторыми другими историческими и психологическими факторами (см.: [34, р. 62–64]).

Сам Цукерман придерживается версии о том, что Дания является примером *культурной религиозности*, согласно которой религия, будучи растворенной в культуре, оказывает сильнейшее воздействие на национальную идентичность и поведенческие нормы. Религиозные институты и традиции продолжают играть важнейшую роль в повседневной жизни, а большинство датчан продолжают называть себя христианами⁹ и участвовать в коллективных религиозных практиках. По мысли Цукермана, «быть христианином — это часть коллективного наследия [датчан], которая присутствует в их детском опыте и семейных традициях. Быть христианином — значит исполнять определенные ритуалы, связанные с рождением, конфирмацией, браком и смертью, а также с праздниками, песнями, историями и едой» [35, р. 150]. По сути дела, этот вариант есть социологическая разновидность идеи «лютеранского секуляризма».

Впрочем, датский лингвист Карстен Левисен (см.: [36, р. 33]) критикует точку зрения Цукермана за то, что тот, говоря о датской религиозности, на самом деле представляет ее себе по аналогии с американской религиозностью¹⁰. Левисен при-

⁹ Согласно European values study, в 2010 г. на вопрос, верят ли они в Бога, 59 % датчан отвечали «да», 34 % — «нет», 7 % — «не знаю» [2, р. 56].

¹⁰ Справедливости ради следует отметить, что Цукерман сам называет свою позицию точкой зрения аутсайдера, который провел в Дании некоторое время и сделал выводы на основе личных наблюдений и интервью [34, р. 57]. Сравнивая секулярность в США и в Скандинавии, он отмечает: «Американская секулярность реактивная, а потому сильная, оппозиционная, атеистическая и негативная в своих проявлениях. Скандинавская секулярность не реактивная, а потому сравнительно мягкая, агностическая и обыденная. Американская секулярность часть направлена *против* религии, тогда как скандинавская секулярность просто *есть*» [37, р. 19].

водит в качестве аргумента исследование датского социолога Ины Росен, которая выявила противоречие между терминологией, используемой секулярными учеными, и теми характеристиками, которые люди применяют к самим себе. Так, в ее исследовании большинство датчан называют себя «верующими» (*troende*), а не «религиозными» (*religiøse*) людьми (см.: [38]).

Заключение

Представленные здесь примеры объяснения специфики секулярности в Дании, авторами которых являются как инсайдеры, так и аутсайдеры, представители как светских, так и теологических дисциплин, в целом не противоречат друг другу, но дополняют друг друга и демонстрируют тот факт, что адекватная интерпретация всякого сложного явления не должна быть односторонней и замкнутой в пределах какой-то одной предметной области. В целом эти объяснения располагаются между двумя крайними вариантами. Согласно первому, Дания является страной, в которой религиозность в силу разнообразных историко-культурных причин приобрела внешнюю форму секулярности, скрывающую ее подлинно сакральный характер. Согласно второму, Дания является секулярной страной в общепринятом смысле слова с постоянно снижающимся уровнем религиозности¹¹. В методологическом плане имеет смысл использовать принцип «религиозной многокомпонентности» (*religious complexity*) в качестве метатеоретического концепта, который указывает на одновременное присутствие нескольких, иногда противоположных религиозных и секулярных трендов, которые могут сосуществовать на разных уровнях общества. Как полагает норвежский социолог Ингер Фурсет, «религиозная многокомпонентность в странах Северной Европы состоит из в некотором смысле противоречащих друг другу трендов, таких как растущая секуляризация населения, одновременная дифференциация и де-дифференциация религии на государственном уровне, растущее присутствие темы религии на политическом уровне, большая визуализация религии в медиа и деприватизация религии на уровне гражданского общества» [2, p. 16].

Таким образом, страны Северной Европы в целом и Дания в частности представляют собой прекрасный пример того, насколько различной бывает секулярность в зависимости от национального контекста и каковы основания, на которых строится ее интерпретация. Сегодня секулярность существует во множественном числе, возникнув в разных контекстах и из разных традиций по всему миру и обретая различный социальный и культурный смысл, а также политическое выражение в том месте, где она себя манифестирует (см.: [10, p. 6]). Изучение проявлений секулярности в разных культурно-исторических контекстах обогащает наше понимание своего собственного контекста, обеспечивает сравнительную перспективу

---

¹¹ Как считают некоторые исследователи, для многих граждан стран Северной Европы появление на их территории активных в религиозном смысле иммигрантов-мусульман стало поводом задуматься об их собственном религиозном наследии, ценностях и традициях [2, p. viii]. Это обстоятельство указывает на эксклюзивный характер датской секулярности, которая позитивно относится к религии в том случае, если речь идет о лютеранстве, и наоборот, считает религию чем-то хаотическим, иррациональным и опасным, если речь идет об исламе (см.: [11, p. 5]). Кроме того, важное значение имеет рост секулярности на индивидуальном уровне и изменение характера религиозности вообще, в том числе в Дании [2, p. 292].

исследования и создает дополнительные смыслы посредством анализа региональной специфики.

Литература

1. *Fukuyama F.* The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2011. 631 p.
2. Religious Complexity in the Public Sphere: Comparing Nordic Countries / ed. I. Furseth. London: Palgrave Macmillan, 2017. 358 p.
3. *Wilson B.* Contemporary Transformations of Religion. Oxford: Oxford University Press, 1976. 116 p.
4. *Bruce S.* God is Dead: Secularization in the West. Hoboken: Blackwell Publishing, 2002. 288 p.
5. *Малахов В. И.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 232 с.
6. *Узланер Д.* От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30). С. 8–32.
7. *Berger P., Davie G., Fokes E.* Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations. Surrey: Ashgate, 2008. 168 p.
8. Comparative Secularisms in a Global Age / eds L. E. Cady, E. Sh. Hurg. London: Palgrave Macmillan, 2010. 293 p.
9. Varieties of Secularism in a Secular Age / eds M. Warner, J. VanAntwerpen, C. J. Calhoun. Cambridge: Harvard University Press, 2010. 337 p.
10. Global Secularisms in a Post-Secular Age, eds M. Rectenwald, R. Almeida, G. Levine. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2015. 355 p.
11. Secularisms in a Postsecular Age? Religiosities and Subjectivities in Comparative Perspective / eds J. Mapril, R. Blanes, E. Giumbelli, E. K. London: Palgrave Macmillan, 2017. 300 p.
12. *Eisenstadt S.* Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. No. 129. P. 1–29.
13. *Wagner P.* The End of European Modernity? // *Changing Societies & Personalities*. 2017. No. 1 (2). P. 128–135. DOI: <https://doi.org/10.15826/csp.2017.1.2.009>
14. *Burchardt M., Wohlrab-Sahr M.* “Multiple Secularities: Religion and Modernity in the Global Age” — Introduction // *International sociology*. 2013. No. 28 (6). P. 605–611.
15. *Wohlrab-Sahr M., Burchardt M.* Multiple Secularities: Toward a Cultural Sociology of Secular Modernities // *Comparative Sociology*. 2012. No. 11. P. 875–909.
16. *Зудов Ю. В.* Государство и церковь в Дании: история и современность // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 63–76.
17. *Christoffersen L.* State, Church and Religion in Denmark at the Beginning of the 21st Century // *Law & Religion in the 21st Century: Nordic Perspectives* / eds L. Christoffersen, K. Å. Modéer, S. Andersen, N. V. Vinding. Copenhagen: Djøf Publishing, 2010. P. 563–592.
18. *Nielsen M. V., Kühle, L.* Religion and State in Denmark: Exception among Exceptions? // *Nordic Journal of Religion and Society*. 2011. No. 24 (2). P. 173–188.
19. *Christoffersen L.* Denmark // *Encyclopedia of Law and Religion* / eds G. Robbers and W. C. Durham. Leiden: Brill Academic Publishers, 2015. P. 301–305.
20. *Østergaard U.* Denmark: A Small Big State — The Peasant Roots of Danish Modernity // *National Identity and Varieties of Capitalism. The Danish Experience* / eds J. L. Campbell et al. Copenhagen: DJØF Publishing, 2006. P. 51–98.
21. *Jenkins R.* Being Danish: Paradoxes of Identity in Everyday Life. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2012. 355 p.
22. *Thorkildsen D.* West Nordic and East Nordic Religiousness and Secularity: Historical Unity and Diversity // *Secular and Sacred? The Nordic Case of Religion in Human Rights, Law, and Public Space* / eds T. Wyller, R. van den Breemer, J. Casanova. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 85–101.
23. *Куропаткина (Зеленова) О. В.* «Народные университеты» и учение Николая Грунтвига о преображении мира // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 3. 2017. № 12 (4/170).
24. *Allchin A. M. N. F. S.* Grundtvig: An Introduction to his Life and Thought. Aarhus: Aarhus University Press, 1997. 338 p.
25. *Riis O.* Rejection of Religious Pluralism — the Danish Case // *Nordic Journal of Religion and Society*. 2011. No. 24 (1). P. 19–36.

26. Berg-Sørensen A. The Politics of Lutheran Secularism: Reiterating Secularism in the Wake of the Cartoon Crisis. // Religion in the 21st Century: Challenges and Transformations / eds L. Christoffersen, H. R. Iversen, H. Petersen and M. Warburg. London: Routledge, 2016. P. 207–214.
27. Nielsen J. Islam in Denmark: The Challenge of Diversity. Lanham: Lexington Books, 2012. 261 p.
28. Rydström J. Odd Couples. A History of Gay Marriage in Scandinavia. Amsterdam: Aksant, 2011. 246 p.
29. Casanova J. The Two Dimensions, Temporal and Spatial, of the Secular: Comparative Reflections on the Nordic Protestant and Southern Catholic Patterns from a Global Perspective // Secular and Sacred?: The Scandinavian Case of Religion in Human Rights, Law and Public Space / eds T. Wyller, R. van den Breemer, J. Casanova. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 21–33.
30. Breemer R. van den, Casanova J., Wyller T. Introduction // Secular and Sacred?: The Scandinavian Case of Religion in Human Rights, Law and Public Space / eds T. Wyller, R. van den Breemer, J. Casanova. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 9–20.
31. Witte J. “God is Hidden in the Earthly Kingdom”: The Lutheran Two-Kingdoms Theory as Foundation of Scandinavian Secularity // Secular and Sacred? The Nordic Case of Religion in Human Rights, Law, and Public Space / eds T. Wyller, R. van den Breemer, J. Casanova. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 56–84.
32. Exploring the Multitude of Muslims in Europe: Essays in Honour of Jørgen S. Nielsen / eds N. V. Vinding, E. Raciuc, J. Thielmann. Leiden: Brill, 2018. 270 p.
33. Inglehart R. Evolutionary Modernization Theory: Why People’s Motivations are Changing // Changing Societies & Personalities. 2017. No. 1 (2). P. 136–151. DOI: <https://doi.org/10.15826/csp.2017.1.2.010>
34. Zuckerman Ph. Why are Danes and Swedes So Irreligious? // Nordic Journal of Religion and Society. 2009. No. 22 (1). P. 55–69.
35. Zuckerman Ph. Society without God: What the Least Religious Nations Can Tell Us About Contentment. New York, NY: New York University Press, 2008. 248 p.
36. Levisen C. Cultural Semantics and Social Cognition: A Case Study on the Danish Universe of Meaning. Berlin: Walter de Gruyter, 2013. 353 p.
37. Zuckerman P. Contrasting Irreligious Orientation: Atheism and Secularity in the USA and Scandinavia // Approaching Religion. 2012. No. 2 (1). P. 8–20.
38. Rosen I. I’m a believer — but I’ll be damned if I’m religious: Belief and religion in the Greater Copenhagen area: A focus group study // Lund Studies in Sociology of Religion. 2009. Vol. 8. 201 p.

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2018 г.;
рекомендована в печать 3 октября 2018 г.

Контактная информация:

Степанова Елена Алексеевна — д-р филос. наук, главный научный сотрудник;
stepanova.elena.a@gmail.com

Secularity in socio-cultural context: the case of Denmark*

E. A. Stepanova

Ural Federal University,
19, ul. Mira, Ekaterinburg, 620021, Russian Federation

For citation: Stepanova E. A. Secularity in socio-cultural context: the case of Denmark. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 1, pp. 209–221. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.117> (In Russian)

The article analyzes the meaning of the “secularity” in the socio-cultural context of Denmark, which is considered as one of the most secular nations in the world, while the Evangelical-Lutheran Church there has the status of the state Church. The special status of *Folkekirke* is

---

* The research has been performed within the grant of Russian Science Foundation No. 17-18-01194 “Religious Majority/Minority in Public Space in Russia and Northern Europe: Historical-Cultural Analysis”.

enshrined in the 1953 Constitution of Denmark, stipulating state guarantees for favorable conditions of its activities, as well as partial financing. At the same time, the Constitution proclaims freedom of religion. As a subject of research, such situation gives rise to many theoretical problems related primarily to clarify the meaning of the basic concepts of Religious Studies, and the specifics of their applicability to the socio-cultural situation of each particular country. In the framework of the theory of secularization, Denmark is usually viewed as the intermediate model between the British “established” church, and the French principle of *laïcité*. The term “secularity” is considered in the light of contemporary academic discussions on the theory of secularization, multiple modernities, and multiple secularities; the latter implies the isochronal existence of different types of secularity, which are formed within particular cultural-historical traditions of the given country, and constantly change under the influence of emerging societal realities. The article presents a critical review of the most popular theoretical versions in the Western Religious Studies aimed at the explanation of the causes and nature of secularity in Denmark, as well as in other Northern European countries. The author concludes that the considered options, in principle, do not contradict, but complement each other, and prove the fact that adequate interpretation of any complex phenomenon should not be one-sided and stocked within a single subject area.

Keywords: secularity, religiosity, Folkekirke, multiple modernities, hidden sacrality, cultural religiosity.

References

1. Fukuyama, F. (2011), *The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution*, Farrar, Straus, and Giroux, New York, NY, USA.
2. Furseth, I. (ed.) (2017), *Religious Complexity in the Public Sphere: Comparing Nordic Countries*, Palgrave Macmillan, London, UK.
3. Wilson, B. (1976), *Contemporary Transformations of Religion*, Oxford University Press, Oxford, UK.
4. Bruce, S. (2002), *God is Dead: Secularization in the West*, Blackwell Publishing, UK.
5. Malakhov, V. I. (2014), *Kul'turnye razlichii i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsii* [Cultural Differences and Political Borders in the Epoch of Global Migrations], Novoe literaturnoe obozrenie Publ., Moscow, Russia.
6. Uzlaner, D. (2012), “Ot sekuliarnoi sovremennosti k ‘mnozhestvennym’: sotsial'naiia teoriia o sootnoshenii religii i sovremennosti” [From Secular Modernity to Multiple Modernities: Social Theory on the Correlation of Religion and Modernity], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 30, no. 1, pp. 8–32.
7. Berger, P., Davie, G. and Fokas, E. (2008), *Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations*, Ashgate, Surrey, UK.
8. Cady, L. E. and Hurg, E. Sh. (eds) (2010), *Comparative Secularisms in a Global Age*, Palgrave Macmillan, London, UK.
9. Warner, M., VanAntwerpen, J. and Calhoun, C. J. (eds) (2010), *Varieties of Secularism in a Secular Age*, Harvard University Press, Cambridge, USA.
10. Rectenwald, M., Almeida, R. and Levine, G. (eds) (2015), *Global Secularisms in a Post-Secular Age*, Walter de Gruyter GmbH & Co KG, Berlin, Germany.
11. Mapril, J., Blanes, R., Giumbelli, E. and Wilson, E. K. (eds) (2017), *Secularisms in a Postsecular Age? Religiosities and Subjectivities in Comparative Perspective*, Palgrave Macmillan, London, UK.
12. Eisenstadt, S. (2000), “Multiple Modernities”, *Daedalus*, no. 129, pp. 1–29.
13. Wagner, P. (2017), “The End of European Modernity?” *Changing Societies & Personalities*, vol. 2, no. 1, pp. 128–135. DOI: <https://doi.org/10.15826/csp.2017.1.2.009>
14. Burchardt, M. and Wohlrab-Sahr, M. (2013), “Multiple Secularities: Religion and Modernity in the Global Age” — Introduction”, *International Sociology*, vol. 6., no. 28, pp. 605–611.
15. Wohlrab-Sahr, M., and Burchardt, M. (2012), “Multiple Secularities: Toward a Cultural Sociology of Secular Modernities”, *Comparative Sociology*, no. 11, pp. 875–909.
16. Zudov, Iu. V. (2010), “Gosudarstvo i tserkov' v Danii: istoriia i sovremennost” [State and Church in Denmark: History and Modernity], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 4, pp. 63–76.
17. Christoffersen, L. (2010), “State, Church and Religion in Denmark at the Beginning of the 21st Century”, in Christoffersen, L., Modéer, K. Å., Andersen, S. and Vinding, N. V. (eds), *Law & Religion in the 21st Century: Nordic Perspectives*, DJØF Publishing, Copenhagen, Denmark, pp. 563–592.

18. Nielsen, M. V. and Kühle, L. (2011), “Religion and State in Denmark: Exception among Exceptions?”, *Nordic Journal of Religion and Society*, vol. 2, no. 24, pp. 173–188.
19. Christoffersen L. (2015), “Denmark”, in Robbersm G. and Durham, W. C. (eds), *Encyclopedia of Law and Religion*, Brill Academic Publishers, Leiden, The Netherlands, pp. 301–305.
20. Østergaard, U. (2006), “Denmark: A Small Big State — The Peasant Roots of Danish Modernity”, in Campbell, J. L. et al. (eds), *National Identity and Varieties of Capitalism. The Danish Experience*, DJØF Publishing, Copenhagen, Denmark, pp. 51–98.
21. Jenkins, R. (2012), *Being Danish: Paradoxes of Identity in Everyday Life*, Museum Tusulanum Press, Copenhagen, Denmark.
22. Thorkildsen, D. (2013), “West Nordic and East Nordic Religiousness and Secularity: Historical Unity and Diversity”, in Wyller, T., van den Breemer, R. and Casanova, J. (eds), *Secular and Sacred? The Nordic Case of Religion in Human Rights, Law, and Public Space*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany, pp. 85–101.
23. Kuropatkina (Zelenova), O. V. (2017), “‘Narodnye universitety’ i uchenie Nikolaia Gruntviga o preobrazhenii mira” [“People’s Universities” and Nikolaus Grundtvig’s Teaching on the Transformation of the World]. *Izvestiia Ural’skogo Federal’nogo universiteta*, ser. 3, no. 12 (4/170), pp. 129–135.
24. Allchin, A. M. N. F. S. (1997), *Grundtvig: An Introduction to his Life and Thought*, Aarhus University Press, Aarhus, Denmark.
25. Riis, O. (2011), “Rejection of Religious Pluralism — the Danish Case”, *Nordic Journal of Religion and Society*, vol. 1, no. 24, pp. 19–36.
26. Berg-Sørensen, A. (2016), “The Politics of Lutheran Secularism: Reiterating Secularism in the Wake of the Cartoon Crisis”, in Christoffersen, L., Iversen, H. R., Petersen, H. and Warburg, M. (eds), *Religion in the 21st Century: Challenges and Transformations*, Routledge, London, UK, pp. 207–214.
27. Nielsen, J. (2012), *Islam in Denmark: The Challenge of Diversity*. Lexington Books, Lanham, USA.
28. Rydström, J. (2011), *Odd Couples. A History of Gay Marriage in Scandinavia*. Aksant, Amsterdam, The Netherlands.
29. Casanova, J. (2013), “The Two Dimensions, Temporal and Spatial, of the Secular: Comparative Reflections on the Nordic Protestant and Southern Catholic Patterns from a Global Perspective”, in Wyller, T., van den Breemer, R. and Casanova, J. (eds), *Secular and Sacred? The Nordic Case of Religion in Human Rights, Law, and Public Space*, Vandenhoeck & Ruprecht, Germany, pp. 21–33.
30. van den Breemer, R., Casanova, J. and Wyller T. (2013), “Introduction”, in Wyller, T., van den Breemer, R. and Casanova, J. (eds), *Secular and Sacred? The Nordic Case of Religion in Human Rights, Law, and Public Space*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany, pp. 9–20.
31. Witte, J. (2013), “‘God is Hidden in the Earthly Kingdom’: The Lutheran Two-Kingdoms Theory as Foundation of Scandinavian Secularity”, in Wyller, T., van den Breemer, R. and Casanova, J. (eds), *Secular and Sacred? The Nordic Case of Religion in Human Rights, Law, and Public Space*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany, pp. 56–84.
32. Vinding, N. V., Raciuc, E. and Thielmann, J. (eds) (2018), *Exploring the Multitude of Muslims in Europe: Essays in Honour of Jørgen S. Nielsen*. Brill, Leiden, The Netherlands.
33. Inglehart, R. (2017), “Evolutionary Modernization Theory: Why People’s Motivations are Changing”, *Changing Societies & Personalities*, vol. 2, no. 1, pp. 136–151. DOI: <https://doi.org/10.15826/csp.2017.1.2.010>
34. Zuckerman, Ph. (2009), “Why are Danes and Swedes So Irreligious?”, *Nordic Journal of Religion and Society*, vol. 1, no. 22, pp. 55–69.
35. Zuckerman, Ph. (2008), *Society without God: What the Least Religious Nations Can Tell Us About Contentment*, New York University Press, New York, NY, USA.
36. Levisen, C. (2013), *Cultural Semantics and Social Cognition: A Case Study on the Danish Universe of Meaning*. Walter de Gruyter, Berlin, Germany.
37. Zuckerman, Ph. (2012), “Contrasting Irreligious Orientation: Atheism and Secularity in the USA and Scandinavia”, *Approaching Religion*, vol. 1, no. 2, pp. 8–20.
38. Rosen, I. (2009), “I’m a believer — but I’ll be damned if I’m religious: Belief and religion in the Greater Copenhagen area: A focus group study”. *Lund Studies in Sociology of Religion*, vol. 8.

Received: February 26, 2018

Accepted: October 3, 2018

Author’s information:

Elena A. Stepanova — Dr. Sci. in Philosophy, Principal Research Fellow; stepanova.elena.a@gmail.com